

Моск. правда. — 1994. — Янв. — С. 2.

Нельзя ли без сенсаций?

Ушел из жизни большой русский писатель Вячеслав Кондратьев. Так и было написано в некрологе, помещенном в «ЛГ», в заметке А. Туркова в «Известиях», во многих других изданиях, появившихся в те же дни — в дни прощания с писателем...

Понятно: при кончине от болезни или гибели в авто (авиа)-катастрофе — так не пишут. Но для каждого, обладающего хоть минимальным нравственным чувством, понятно и другое: ежели написано так, а не иначе, — «значит, есть и причина тому». Время ли не пришло, боль утраты свежа (особенно у близких), причины ли ухода неясны...

Хотите выяснить? Извольте; но, во-первых, подождите, дайте боли остыть; во-вторых, не выдавайте своих предположений за факт.

Нет же, некогда. Спешат. Назавтра после панихиды, в

один день с «Известиями» и «ЛГ», выходит «Московский комсомолец». С громким заголовком: «Застрелился писатель Вячеслав Кондратьев». И — с железной, не допускающей сомнений категоричностью: из трофейного, со времен войны сохраненного пистолета. А три месяца спустя «Литературные новости» (№№ 53—54) перепечатывают из ярославского «Очарованного странника» (№ 6) «Последнее интервью Вячеслава Кондратьева», в редакционной врезке (журнала? газеты?) сообщают без обиняков: из **именного** оружия... И ОБА автора — с такой уверенностью, как будто сами видели этот пистолет, ежели не держали в руках.

Не было оружия ни именного, ни трофейного. Был пистолет, сделанный самим Кондратьевым после войны...

Мелочь? Не стоило бы о ней и говорить? Может быть, ежели бы подобная же вольность в об-

ращении с фактами не простиралась и на **рассуждения** о причинах случившегося. «Голос» и «Очарованный странник» («Литературные новости») отвечают на этот вопрос однозначно: несчастный случай — чистил оружие, сработал курок. Владимир Бондаренко в своем «Дне» (этот номер от 1.XI вышел в Минске под «крышей» белорусской газеты «Мы и время»), напротив, уверен: сознательное самоубийство — из того же ряда, что и уход Юлии Друниной.

Как видим, суждения прямо противоположные, но есть у них и нечто общее: и то и другое предельно категорично, их авторы словно бы сами при этом присутствовали. А ежели не присутствовали, то получили — одним им ведомое — личное послание Кондратьева с «уведомлением о намерениях», как теперь говорят.

Это ваше мнение? Предположение? Версия? Но тогда так и

пишите: как о версии, предположении, но не как о **факте**. И уж — будьте любезны! — с какими-никакими, но доказательствами. Доказательств нет. И уже никогда не будет. Никакой записки, подобной предсмертным стихам Юлии Друниной, Кондратьев не оставил.

Там, где фактов нет, в ход идут догадки. Но это еще было бы полбеда. Беда начинается там, где догадки выдаются за факты. За нечто неоспоримое и уже доказанное. Гипотеза — за аксиому. Это в равной степени касается и уверенности, с какой авторы «Голоса» и «Литературных новостей» заявляют о «несчастном случае», и в противоположной им по знаку, но столь же самоуверенной и бездоказательной версии, предложенной в качестве бесспорной истины Вл. Бондаренко. В качестве **предположения** она имела бы право на существование: такие настроения в условиях нашей сумас-

шедшей жизни неувидительны (см. хотя бы цикл статей Эд. Поляновского «Поэты и палачи», появившихся в «Известиях» как раз в те же дни, или письмо Виктора Астафьева в «КП» за 18.XII). Неувидительно и то, что **настоящие** писатели — люди с обостренной реакцией не столько на свою, сколько на «чужую» боль, «чужое» горе — воспринимают происходящее особенно болезненно... Одна беда: версия Бондаренко никак не соотносится с психологическим обликом Кондратьева, не учитывает конкретных обстоятельств, предшествовавших случившемуся: обострилась давняя, периодически навещавшая его болезнь, замаячила угроза инсульта... (Знаю это не понаслышке: много лет дружил с Кондратьевым, много писал о нем, общался до последних дней). Возможно, он боялся оказаться в тягость окружающим; с другой стороны, кто же из фронтовиков станет созна-

тельно стрелять себе в живот? Словом, догадки, догадки...

Повторю еще раз: гадайте, ежели вам так уж невтерпех. Но не выдавайте своих догадок за непреложные истины. По отношению к Кондратьеву это недопустимо вдвойне: он вообще не любил сенсаций...

«Вячеслав Кондратьев ушел догонять свое фронтовое поколение на дорогах Вечности». Так было сказано в некрологе. Можно добавить: «и унес с собой тайну своего ухода».

Давайте на этой, достаточно емкой формуле и остановимся. Все остальное — про себя. По крайней мере, сегодня.

Не откроют нам причин потери
Ни петля, ни ножик
перочинный...

Александр КОГАН,
писатель,
участник войны.